

ленная песня, тоже принадлежавшая к числу самых наших любимых (она досталась нам в наследство от литинститутцев старшего поколения):

Я влюблен в шофершу Нинку робко,
Вам в подарок от меня коробка.

Подаю, как кавалер, манто вам,
И стихи поэта Лермантова.

По заборам я, голуба, лазаю,
Чтоб увидеть вас, голубоглазую.

А душа поет, как флажолета,
Выпирая из угла жилета.

Были там еще какие-то строчки, которых я уже не помню. Помню только, что заканчивался этот иронический романс так:

Уроню аккорды с пианина,
Сядь со мной на форд и спи, о Нина!

Исходящий ото всей тогдашней печатной продукции "запах тюремных библиотек", о котором говорил Набоков, был неистребим. Им были отравлены даже талантливые и честные книги, чудом прорывавшиеся сквозь все мыслимые и немислимые цензурные и редакторские заслоны.

Их было не так уж мало, этих честных и талантливых книг. Но, проникая в печать, они словно бы вываривались в общем котле советской пропаганды и тоже приобретали этот неуловимый запах, отличавший их от подлинно свободных сочинений, как отличается белье, полученное из прачечной, от выстиранного в речной воде и высушенного солнцем и ветром на вольном воздухе.

Вот поэтому-то неподцензурный куплет какой-нибудь шуточной песенки, озорная строка, непочтительностью своей по отношению к каким-нибудь официально узаконенным государственным святыням граничившая с хулиганством ("А Сашка Пушкин тем и знаменит, что тут он вспомнил чудного мгновенья...") воспринимались как глоток свежего воздуха. Это, в сущности, и был тот ворованный воздух, о котором говорил Мандельштам.

Нечто подобное, вероятно, имел в виду и Михаил Михайлович Зощенко, когда, прочитав какой-нибудь унылый советский роман, говорил:

— Ну, это диктант...

Весь этот наш институтский фольклор был хорош уже тем, что это был не диктант. Каким бы пустяком ни был какой-нибудь очередной стишок, звучавший на очередном нашем институтском капустнике, какими бы относительными и даже сомнительными ни были его художественные достоинства, он всегда оставался вольным сочинением на вольную тему.

По составу крови

"Есть люди, без которых невозможно представить себе настоящую литературную жизнь. Есть люди, которые, независимо от того, много или мало они написали, являются писателями по самой своей сути, по составу крови... Таким писателем был Гехт", — писал К. Паустовский.

Семен Григорьевич Гехт не вошел в число звезд первой величины южнорусской литературной школы. Он упоминается в литературных словарях, но все же имя и творчество его сегодня практически забыто. И знают его в основном как персонажа книги Паустовского, много и тепло о Гехте вспоминавшего.

Согласно справочникам, Гехт родился 14(23) марта 1903 года в Одессе. Но в книге одесского раввина за 1903 год запись о рождении отсутствует.

В семье было три сына. Старший Давид, Семен и младший — Шулим. Родители погибли во время погрома 1905 года. Семен Гехт жил в семье Давида (дочь Давида была немного старше своего дяди). О юности Гехта известно немного. По семейным воспоминаниям, Семен был замкнут, немногословен, очень любил читать. Часто уединялся и писал стихи. Фира Раскина, племянница Гехта, со слов матери знает, что он уехал в Москву еще в 1919 на крыше паровоза.

В действительности он жил в Одессе до 1923 г. Работал рассыльным в типографии, наборщиком.

В это же время Гехт подружился с молодым поэтом Сергеем Бондариним. И — удивительная вещь! — судьбы их во многом повторяют друг друга. Оба — ученики Э. Багрицкого, обоим покровительствовал И. Бабель, влюблены были в одну и ту же девушку — Генриетту Адлер, были фронтовыми журналистами, арестованы в 1944, отсидели, вернулись, остались друзьями.

С. Бондарин, вспоминая зиму 1920-1921 года и вечера в "Коллективе художниц" — там обитали милые девушки Маруся Тарасенко (будущая жена И. Ильфа), Генриетта Адлер (будущая жена Бондарина), Тоня Трепке и Рая Менделевич, туда приходили Э. Багрицкий, И. Ильф, Л. Славин, — писал: "Пришел задумчивый пролетарий Гехт в кожаной куртке наборщика, попахивающей свинцом".

22 января 1922 на страницах литературного приложения к газете "Известия Одесского губпрофсовета, губисполкома и губкома КП(б)У" были напечатаны стихи С. Гехта "9 января". Стихи и рассказы его стали появляться в дневном и вечернем выпусках "Известий", на страницах журналов "Силуэты" и "Шквал".

Гехт, как и многие начинающие литераторы, посещал литературную организацию "Потоки Октября", лидером которой был Э. Багрицкий. "В кружке этом я познакомился осенью 1922 года со всеми одесскими литераторами того времени".

В апреле 1923 г. Семен Гехт и его друг Сергей Бондарин собираются ехать в Москву. И. Бабель пишет две небольшие рекомендательные записки — В. Нарбуту и М. Кольцову.

"Друг мой, Владимир Иванович.

Вот два бесшабашных парня. Я их люблю, поэтому и пишу им рекомендацию. Они нищи до крайности. Думаю, что могут согдиться на что-нибудь. Рассмотрите их орлиным своим оком <...>".

"От Бабеля, без вести пропавшего, заточившего себя добровольно — Кольцову, прославленному древле от всех.

Вот Гехт и Бондарин. Их актив: юношеская продерзость и талант, который некоторыми оспаривается. В пассиве у них то же, что в активе. Им, как и пролетариату, нечего терять. Завоевать же они хотят прожиточный минимум. Отдаю их под вашу высокую руку. — От сего дня в непродолжительном времени я напишу вам о себе письмо.

Ваш И. Бабель"

Письма Бабеля датированы 17 апреля, первое известное письмо Гехта из Москвы Марии Тарасенко — 30 апреля: "Я сдал для журнала (ежемесячник) Ингулову одну вещь небольшую. Это и очерки в "Огоньке" дают мне возможность держаться здесь. У Сережи дела обстоят хуже. Одними стихами здесь даже Асеев и Пастернак не живут. Нужно быть газетчиком и журналистом. Сереже это не удается". После непродолжительного пребывания в Москве один из друзей вернулся в Одессу (второй остался завоевывать столицу).

Первая публикация С. Гехта в журнале "Огонек" 6 мая — очерк "Одесса". Вот и пригодились записка Бабеля. Практически в каждом номере журнала появляется очерк или рассказ Гехта, в крайнем случае — перевод с еврейского. Стихи он, похоже, после переезда в Москву перестал писать.

"Я нигде не служу, ибо не хочу. Предлагали кое-какие должности по газетам — отказался. Но работаю много. Успел уже хорошо зарекомендовать себя в лучших журналах и деньги вообще — в пределах, конечно, добываю легко" (из письма к Г. Адлер от 15 сентября 1923). Правда, Эмиль Миндлин вспоминал о тех временах: "Печатались в газетах и еженедельниках, но это нисколько не избавляло нас от мучительного безденежья. Гонорары были ничтожны. Стоило получить гонорар — и даже у бережливого Гехта он улетучивался с пугающей быстротой".

Публиковался он в знаменитой газете "Накануне" (с легкой руки В. Катаева), в "Гудке" вместе с Ю. Олешей, И. Ильфом, М. Булгаковым.

Сохранялся круг общения — к 1923 почти все начинавшие в Одессе поэты и прозаики перебрались в Москву. Этим же годом принято датировать предисловие И. Бабеля к планировавшемуся сборнику семи одесских писателей. Начинает он характеристику авторов с Гехта: "<...> Гехт пишет об уездном Можайске, как о стране, открытой им и неизведанной никем другим <...>". Гехт был спутником Бабеля в его шатаниях по Москве. Знако-

мя его с Есениным, Бабель сказал: "Это мой сын". В шутке этой большая доля правды — уж литературным отцом Гехта Бабель, бесспорно, был. Ильф подтрунивал в письме к Генриетте: "Гехт бредит письмом и Бабелем. Письма все нет, а Бабеля слишком много".

В 1927 году вышли сразу две книги С. Гехта: повесть "Человек, который забыл свою жизнь" и сборник рассказов "Шмаков и Пранайтис".

К 1928 году Гехт был женат на Вере Михайловне Синяковой. О семье Синяковых писала Лиля Брик: "Синяковых пять сестер. Каждая из них по-своему красива. Жили они раньше в Харькове, отец у них был черносотенец, а мать человек передовой и безбожница. Дочери бродили по лесу в хитонах, с распущенными волосами и своей независимостью и эксцентричностью смущали всю округу. В их доме родился футуризм. Во всех них поочередно был влюблен Хлебников, в Надю — Пастернак, в Марию — Бурлюк, на Оксане женился Асеев". Портрет Веры писали Бурлюк и Маяковский.

В. Хлебников в поэме "Синие оковы" писал о Вере:

О, Синяя!.....

Ваши семнадцать лет какую звездочкой сверкали.

С 1928 по 1939 у Гехта вышли одиннадцать книг, наверное, самая экзотическая из них о жизни Палестины — "Пароход идет в Яффу и обратно" (1936).

Во время Великой Отечественной войны Семен Гехт стал военным корреспондентом газеты "Гудок", где начинал работать в юности.

Весной 1944 г. он был арестован. Так как дело из архива НКВД в Одессе недоступно, приходится ограничиваться воспоминаниями родных и современников. Они связывали воедино два ареста — С. Гехта и С. Бондарина. По словам Г. Адлера: "Их [Бондарина и Гехта. — **А. Я.**] взяли по одному делу — хоть служили они в разных местах. Сергей Александрович был военным журналистом на флоте". Эту версию подтверждал и Саул Боровой: "Бондарин и Гехт в конце войны были арестованы. Якобы — по глупости Гехта, который чем-то громко возмутился и привел в свидетели Бондарина".

Сидевший в лагере переводчик Л. Шерешевский: "Гехт, как и другие, ничего о своем деле не говорил. Я знал только, что вместе с ним осужден был и писатель Сергей Бондарин, что они были военными корреспондентами, ездили в только что освобожденную от захватчиков Одессу и вскоре попали под решение Особого совещания". Сам Бондарин писал в дневнике, что причиной ареста стало письмо его сослуживца по Черноморскому флоту, журналиста Улина Сталину, о том, "...что, де, с писателями обращаются неразумно, недостойно, заставляя их мыслить на уровне репортеров...". Его арестовали 3 марта 1944 года.

Последняя из обнаруженных фронтовых публикаций С. Гехта "Сын Одессы" в газете "Красная звезда" датирована 11 апреля (на следующий день после освобождения Одессы). Семен Гехт успел до ареста побывать в освобожденной Одессе, встретился с некоторыми из участников литературного кружка. По воспоминаниям родных, в библиотеке

им. М. Горького, читал подшивки газеты "Молва", выходившей в Одессе во время оккупации. Это и послужило причиной ареста. Гехт был приговорен к 10 годам лагерей (по другим данным — к 8), С. Бондарин — к 8.

Летом 1945 Семена Григорьевича отправили в подмосковный лагерь при экспериментальном заводе МВД. "На нем была офицерская гимнастерка, поверх которой надет штатский пиджак, его облысевшая голова покрыта была темной кепкой, из-под козырька которой глядели какие-то отрешенные глаза". Лагерь славился довольно либеральным отношением к заключенным, дважды в месяц (в выходные) там устраивались литературные вечера. Гехт вел неофициальный литературный семинар (среди заключенных было много молодых литераторов). Принимались передачи — в них Вера Михайловна вкладывала и свежие литературные журналы, которые давал ей В. Гроссман. После ареста мужа она жила в семье Н. Асеева.

Летом сорок шестого за отказ давать показания на соседей по бараку Гехт попал в Коми АССР, где были известные строгим режимом лесные лагеря под поселком Вожалель.

"<...> уже будучи известным писателем, стал жертвой навета, — он изучил профессию лесоруба, был разносчиком молока в детских яслях, сторожем в парке".

После освобождения и реабилитации Гехт, в отличие от Бондарина, который еще на поселении начал вести дневник и потом писал "в стол" лагерные "Капкаринские записки", вычеркнул эти годы из памяти.

"Гехт и в самом деле довольно печален, хотя и слыл прежде записным застольным весельчаком, что ли... Если не весельчаком, то болтуном. Его известное происшествие [т.е. арест. — **А. Я.**] помяло больше, чем других, он очень постарел", — писал Бондарин в 1960 их одесской приятельнице Татьяне Стах.

В 1959 году Гехт побывал в Одессе, встретился там с друзьями юности и родными.

С. Гехт написал еще четыре книги: "Будка соловья" — о жизни леспромхоза (бесспорно, основанную на лагерных впечатлениях, но ни словом о лагерях не напоминая); "Три плова", "В гостях у молодежи".

Он был очень болен, здоровье его подорвали лагеря. Почти полгода провел Гехт в больнице. Паустовский привозил из Парижа редчайшие лекарства, но и они лишь ненадолго останавливали болезнь. В разговоре с врачом Паустовский сказал, что Гехта необходимо спасти, невозможно представить литературу без него. Ту же фразу он повторил в некрологе: "...ушла молодость нашего поколения".

В Советском Союзе книги Гехта не переиздавались, в 1983 г. в Иерусалиме вышла книга "Простой рассказ о мертвецах и др. рассказы".

Алена ЯВОРСКАЯ

Семен Гехт — Генриетте Адлер

1

15 сентября 23

Милый друг, Генриетта!

Ваше письмо я получил пятью днями позже, чем следовало. Это случайность, которая более не повторится.

Я очень рад, что вы ответили сейчас же, не оттягивая времени. Я только теперь обретаю право на отдых и работу. Все время я метался в горячке и тревоге.

Уезжая из Одессы, я не снялся с учета, здесь же три месяца не был нигде прописан — пахло обидными неприятностями. Ныне все это великолепно улажено. Я вполне легален, у меня все бумаги и пр.

На сегодняшний день (простите за излишние пожалуй детали, но ведь я пишу о себе — так установлено) я не имею отдельной комнаты. Она будет у меня только через неделю или (в крайнем случае) через 12 дней.

За комнату приходится уплатить сразу слишком солидные деньги и невероятно, что произошла столь долгая заминка.

Я нигде не служу, ибо не хочу. Предлагали кое-какие должности по газетам — отказался.

Но работаю много. Успел уже хорошо зарекомендовать себя в лучших журналах и деньги вообще — в пределах, конечно, добывают легко.

Я сейчас связываюсь с одним хорошим театром, буду писать пьесу, веселую комедию, очень веселую — непременно! А вы грустите.

Но я не могу писать ободряющих, утешающих слов, ибо нет ничего глупее, чем утешать человека, который грустит. Но мне было (надо сознаться) больно, когда я читал эти полуотвлеченные, полупессимистические (плохое слово, зато со смыслом) строки.

В Москве — бабье лето. Но по утрам уже легкие морозы и к вечеру надо одевать пальто. Снега, пожалуй, уже на носу. Что ж, тем лучше. Есть такая восточная (полуперсидская, полужеврейская) поговорка: "Все к лучшему — вообще и это к лучшему — в частности". Какая жуткая и вместе с тем крепкая-крепчайшая поговорка.

Кстати: вам письмо передала Тоня. Я вручил его ученику Одесск. акад. Фурману, так как не знал вашего точного адреса. Тони я в Москве не видел. Мы с Илей были у нее дважды — не нашли.

В ожидании вашего письма (совсем по-канцелярски — что ж)

Гехт